

Юлия Ким

Обрать помехи!

Из жизни ангелов, людей и инопланетян

Юлия Ким

**Убрать помехи! Из жизни
ангелов, людей и инопланетян**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426487
ISBN 9785449381101*

Аннотация

Обнаружен ангел-интроверт. В квартире появляется черная дыра. Инопланетная жизнь точь-в-точь похожа на мировой океан планеты Земля. Лифт зависает между мирами. Жизнь в буквальном смысле оказывается удивительно вкусной штукой. И все это – на фоне привычного, опостылевшего быта. В сборник включены как опубликованные ранее в журнальном варианте, так и новые произведения автора. Яркие иллюстрации самарского художника Надежды Алленовой убедительно дополняют повествование.

Содержание

Повести	5
А МОЖЕТ БЫТЬ ДЕЛО НЕ В ТЕБЕ?	5
Пролог	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	30
ГЛАВА ПЯТАЯ	33
ГЛАВА ШЕСТАЯ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Убрать помехи! Из жизни ангелов, людей и инопланетян

Юлия Ким

Иллюстратор Надежда Алленова

© Юлия Ким, 2018

© Надежда Алленова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-8110-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

А МОЖЕТ БЫТЬ ДЕЛО НЕ В ТЕБЕ?

маленькая повесть

Тамаре, Алексею

Пролог

Мне было много лет и меня совсем не было.

***

Кто- то додумался впечатать кофейные зёрна в каждую столешницу, пририсовать руки-ноги, рожицы с разными эмоциями. В итоге место в кофейне можно было выбрать под настроение.

Давно я здесь не была. Где же я сидела, когда это началось.? Хочется расположиться там же, и я силюсь вспомнить, как выглядел тот кофейный человек. Мои неугомонные друзья опережают меня. Действительно, вот же он! Та же улыбка до ушей, щербинка на месте правого уха, которую я тогда ковыряла мизинцем.

Удивительно, что здесь ничего не изменилось с тех пор.

Музыка уносит в прошлое. Мальчик так же скучает за стойкой и я, одинокая немолодая гостья, ему не интересна. Да, для него я одинока, поскольку моих спутников он видеть не может.

Вокруг не изменилось ничего, кроме меня.

Мы рассаживаемся, пьём кофе, наблюдаем в окно за феническим закатом и предаемся воспоминаниям.

В тот вечер все было точно так же, только меня совсем не было.

Пахнет кофе и сдобой, корицей и горячими сливками.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я сидела за этим столом с тягучими мыслями о том, что мне надо меняться.

Об этом твердил ОН, и в его лице весь мир.

Каким ОН был? ОН был особенным. ОН твердо знал, как все устроено и каким должно быть.

Как я к НЕМУ относилась? Я ЕГО боготворила.

ОН говорил уверенно, был бодр и активен. Все в НЕМ было основательным и заземленным. ОН сидел, откинувшись на спинку стула и широко расставив ноги. Умные глаза с бархатными ресницами обволакивали и притягивали. Волосы вились, как у демона. ОН был хорош собой.

Мы делали общее дело. Я звалась ЕГО партнером. И мне было приятно, что я почти в ЕГО кругу, что я не наемный работник, не винтик-шпунтик.

ОН приходил ко мне, радостный и взволнованный, сообщал о том, что у него есть мощный проект и ОН знает, как его воплотить в жизнь.

ОН умел вовлекать, выбирал маркер получше и наносил на специально приобретенную для этого доску четким фигурным почерком графики, стрелки, схемы. Вырисовывалась карта новой светлой жизни, которую ОН мечтал построить. И вот я уже по уши в проекте, уже живу им.

Так вот, этот необыкновенный человек твердил, что мне надо меняться.

Каждая книга в моих руках была про это. Авторы брали

меня в кольцо. Штыки их пальцев указывали на мои базовые недостатки. Кольцо невозможно было разорвать. Вакантное место занимал автор из следующего ряда и число им было — миллион. Я дополняла и дополняла список необходимых изменений себя.

ЕГО я описала. Себя я описывать не стану, потому что меня все равно не было. Ни в кофейне, ни городе, ни во всем мире. Нигде.

***

Я подносила чашку к губам, не чувствуя запаха кофе и не имея намерения ощутить его вкус. Вдруг по лицу что-то хлестнуло и выбило меня из правильного равновесия. Я вздрогнула, пролила кофе на умную книгу, подняла глаза и увидела уходящего человека.

Он был одет во что-то красное и объемное, чересчур широкое для узкого пространства между столами. Видимо, пола его одежды и прошла секундой ранее по моему лицу. Человек удалялся стремительно, почти бежал. Под красным балахоном были синие джинсы, на ногах кеды, совсем не подходящие к стильному наряду. В окне, уже с улицы, мелькнуло лицо незнакомца. Пронзительные голубые глаза, казалось, могли жить отдельно от лица, подобно улыбке чеширского кота.

Я промокнула салфеткой мокрую страницу и увидела на столе клочок плотной, серой бумаги. На бумаге, размашисто было написано: «А может быть дело не в тебе?» Я по-

ложила записку на испорченную страницу, закрыла книгу, встала и ушла.

Поздним вечером клочок выпал из книги и приземлилась на пол. Я наклонилась за ним, подняла и положила на тумбочку.

В окно заглядывала луна. Я засыпала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проснулась от холода в крошечной тьме. Что-то было не так. Ноги, вместо пола, коснулись мягкого, влажного и холодного. Я резко вскочила, сделала несколько шагов и поняла, что все еще сплю. Потому что тьма начала плавно, ключьями рассасываться, воздух стал молочным, и я, босиком, в невесть откуда взявшейся старой вязаной кофте, накинутой поверх ночной сорочки, обнаружила себя на берегу моря.

Светало, волна подползла, лениво лизнула пятку, я окончательно проснулась во сне от холодного прикосновения. Закуталась в любимую кофту, плотно обхватила себя руками и осмотрелась. Слева дремало предрассветное моря. Песчаный пляж был пересечен пустым шоссе. Вдоль шоссе протянулась плотная темная стена соснового леса. Смесью хвойного и морского воздуха дышалось легко. Что-то обновлялось в моей жизни.

За спиной не обнаружилось ничего интересно, я устремилась вперед. Сквозь молочный туман стал различим дом. Мне не помешало бы тепло, чашечка чая, чтобы унять мурашки, шерстяные носки на посиневшие ноги. Пригрезилось, как протягиваю ледяные руки и ноги к камину. В то же миг пред мысленным взором предстали потенциальные обитатели дома. Люди, нелюди, разбойники, людоеды, маньяки, извращенцы. Они включили свет в столь ранний час специально для меня. Но холод взял свое, и все равно все это

мне лишь снилось. Я направилась к дому, оставляя за собой в качестве приманки для маньяков четкие следы босых ног на мокром, плотном песке.

***

Зодчие со временем становятся похожи на свои творения. Я знаю это, мне свойственна особая страсть к домам. Не к тем бетонным коробкам, в одной из которых я живу, а к тем, что безлико именуются объектами индивидуального жилищного строительства.

Когда-то я грешила стихосложением. Строки возникали из ниоткуда и сами выстраивались в столбики. Те, что для завершенности произведения вымучивались потом из головы, только портили все. Гости из ниоткуда забылись, но остались в тетради. Много лет спустя я нашла ее и поразилась, как точно описаны в строчках из прошлого отдельные события моей нынешней жизни. Стихи словно ждали взаперти своего часа. Что это? Предсказание? Не верю я в подобную мистику. Просто со временем я стала собой и все случилось. А про себя настоящую я знала уже тогда, когда ловила слова из ниоткуда.

Так вот, дом, возведенный с душой, по аналогии со стихами, похож на своего зодчего в будущем. Создатель с годами приближается к глубинной своей сути и постепенно, но неминуемо приобретает черты своего творения.

***

Этот дом впечатлил меня.

Любопытно, какие дебри архитекторской души воплотились в многочисленных фантазийных пристройках, надстройках, балкончиках, башенках, которые громоздились, карабкались друг на друга, устремлялись к небу?

Вот творец, всклокоченный, не совсем трезвый, исподлобья озирается, потирает руки и дает волю маниакальной тяге к укромным местам. Он отрывается по полной, затем придиричиво осматривает свое творение со всех ракурсов на предмет того, не осталось ли где свободного пространства для таинства и дорисовывает, добавляет новые уголки для уединения ли, укрытия ли его самого, кого-то знакомого ему или же неведомого. Каково предназначение тех крохотные каморок? Для чего цветные башенки на крыше, в которых взрослый человек только и может, что разместиться стоя или присесть на стул. Сделать шаг, переставить стул некуда. Зачем здесь этот нелепый пристрой?

Восхищало то, что дом, несмотря на ассиметричность и обилие разномастных деталей, получился цельным и легким. Возможно, так и выглядит гениальность.

Дом производил впечатление обжитого. На окнах занавески в мелкие цветочки. На подоконниках, собственно, цветочки.

Как объясню свой визит, думала я? Ведь даже будучи во сне что-то сказать хозяевам придется. Не могу же я ворваться на рассвете в чужое жилище, полуодетая, босая, сон-

ная и пройти мимо его обитателей молча по той причине, что я сплю и их на самом деле не существует.

За размышлениями об этом меня окликнули.

***

– Эй, – раздалось слева тихо, но отчетливо.

Человек из кофейни, который оставил мне странную записку, сидел на перевернутой лодке и ежился от сырости и ветра. Джинсы его были закатаны, худые ноги по щиколотку в воде. Вид он имел утренний, угрюмый, слегка ошалелый. Небрит, на плечах растянутая трикотажная кофта с капюшоном из тех, что накидывают, проснувшись, оберегая ночное тепло и экономя скупой запас утренних движений. А вот глаза его жили отдельно от помятого лица, утренней хмури и зябкости. Бирюзовые, ясные и бархатные, они неспешно плескались, как море в хорошую погоду.

– Пошли, замерзнем, -произнес человек простуженным голосом.

Я направилась за ним к дому молча, опасаясь тревожить вопросами его утреннюю угрюмость. Взглядом упиралась в маячащую передо мной спину и невольно опускала его на упругие ягодицы. Все равно ведь во сне.

***

В доме я пошла вслед за незнакомцем по длинному, похожему на лабиринт коридору, устланному полосатыми дорожками. Такие же вязала из отживших свой век вещей моя бабушка. Если бы у меня было время приглядеться, возможно, я бы увидела в тканых полосках что-то знакомое, детское. Но человек быстро шел вперед, а я боялась отстать и заблудиться в таинственном доме. Тут и там висели, заполняя дом запахом колдовства, венички из трав, перевязанные разноцветными атласными лентами. Мягкое сияние лилось неведь откуда, точно воздух дышал светом.

Коридор привел нас в маленький, квадратный холл с несколькими дверями. Одна из них была приоткрыта, там было какое-то движение, мне очень хотелось заглянуть внутрь, но незнакомец поднимался по деревянной винтовой лестнице на второй этаж, оттуда еще выше и выше. Бесчисленными короткими переходами, лестницами из трех-четырех ступеней, мы, наконец, пришли в один из укромных уголков, нарисованным лохматым архитектором в пьяном кураже.

На месте потолка сияло окно. Через него в помещение вваливалось мягкое, влажное, кучерявое небо, а по ночам-бархатная веснучатая бездна.

Хаос здесь не производил впечатления беспорядка. Повсюду были книги. Они стопками сгребались с деревянных полок вдоль стен. На полках оставались залысины, и книж-

кины пошатнувшиеся товарищи. Стопки приземлялись куда попало – на пол, на кровать, застланную простеньким покрывалом, на шкаф, подперев потолок. Из стопки извлекалась та самая, ради которой... Вот и она лежит, уже забытая, со страницей, заложенной чем попало. Салфеткой, газетой, даже шапочкой для бассейна. Книги здесь не обоожествляли. Их выхватывали из пространств внезапно, а вслед за молнией мысли владельца.

А на полу изнанкой вверх были разложены куски пожелтевших обоев с размашистыми цветными каракулями. Хотя, похоже, развлекался здесь не ребенок, а взрослый. Среди человечков и непонятных надписей мелькали стрелки, схемы, четкие графики. На стене висела доска, на ней было написано «А может быть дело не в тебе?». На столе валялись мой рабочий блокнот и ручка.

Хмурый незнакомец стряхнул с кровати на пол стопку книг и приказал мне сесть. Повиновалась. Незнакомец рухнул в кресло-качалку. Поставил одну босую ногу на пол, другую на обивку кресла. Некоторое время молча раскачивался и потирал тыльной стороной указательного пальца щетину на подбородке.

– В общем, так... -начал он решительно.

Не его это был тон, отрепетированный, видно было, что неудобно незнакомцу в нем, потому и набирает обороты.

– Мне все это надоело! Слушай и не перебивай!

Перебивать я не собиралась.

– Это, – широкий жест – твой мир, а я -твой Ангел-хранитель.

Видимо, я несколько изменилась в лице. Человек сделал паузу, страдальчески прикрыл глаза, поджал губы, обреченно вздохнул и повторил, отдельно и четко:

– Да. Именно так. Ангел. Это-твой мир. Только ты в нем почему-то не живешь. Других моих подопечных крыльями, отсюда не выгонишь. А ты все подвиги, испытания ищешь. Грудью на них кидаешься. Как прикажешь тебя охранять в таких условиях? Ведь счастьем, как минимум типовым, я тебя обеспечить обязан.

Человек был взвинчен. Он закатил бархатные глаза, сквозь зубы процедил что-то типа того, что все это бесполезно, затем сделал над собой усилие и продолжил спокойнее, поглядывая на меня с надеждой, почти умоляюще.

– Понимаешь, какое дело, -он снова взъерошил щетину на подбородке, -я Ангел-интроверт. Долгие беседы с подопечными, тепло, соломка -не мой стиль. Я больше, так сказать, собой работаю. Последние слова были произнесены с гордостью.

В людей верю, работа у меня такая. Вмешиваюсь в судьбы в исключительных случаях, когда дальше-некуда. До этого присутствую, бросаю взгляды изредка, подобно матери -студентке на пороге сессии на дите неразумное сквозь лекции, лишь бы не убилося. Уверяю тебя, этого обычно достаточно. Энергия экономится. Коллеги мои расшибаются,

одежду стерилизуют, слово грубое сказать опасаются, а я за естественность. За экологичность, по-нынешнему. Эффект тот же. Показатели те же. К чему лишний контроль? Никого не переделаешь, даже будучи Ангелом. Проблемы вы себе сами создаете, сами же их решаете. Зачем вмешиваться? Полное самообслуживание. Такова моя философия. Все проблемы и все решения в вас.

Ангел -интроверт помолчал, подумал над сказанным и продолжил.

– Посты в соцсетях читаешь, про то, что каждый сам виноват, если оказался в непотребном месте? И про то, что все в твоих руках? Знаю, знаю, ты читаешь. На просторах интернета подобного много. Не без гордости скажу- мной надиктовано. Написать проще, чем беседы душеспасительные вести. Подопечные сами читают, сами исправляются. Исправляются, правда, ненадолго, работают над собой без фанатизма, доживают, как могут, свой век с отмерянным уровнем счастья и без претензий ко мне. А вот ты меня озадачила. Голос Ангела сник.

Тебе талдычат с моей подачи бред собачий, а ты слушаешь и веришь. Моя бабушка так в радио верила. Ты воспринимаешь мои посты настолько серьезно, что мне, порой, стыдно за свои слова. Не нужны мне такие проблемы с подопечной. Пришлось вмешиваться.

Ангел тяжело вздохнул.

– Заняться у вас есть чем. Книг-читать, не перечитать.

А ты отвлекаешь меня впустую. И тебе плохо и мне. Смотри.

Ангел щелкнул пальцами над головой, и тотчас над ним засветилась прозрачная полусфера, по форме напоминающая огромную кастрюлю. Еще щелчок, и в кастрюле забурлили пузыри, закувыркались книжные тома.

– Квантовый бульон-пояснил Ангел, и его лицо потеплело.

Он подпрыгнул, выхватил из бульона ближайший том, обжегся, разжал пальцы и затряс ими. Книга шмякнулась на пол, дымясь, шипя, как утюг и стремительно обсыхая. С обложки мне подмигнула наглая кошачья морда. Кот отряхнул благородную шерстку и отправил в рот вилку с аппетитнейшим маринованным груздем. Я успела разглядеть на шляпке гриба прилипший лист, потрясла головой, ущипнула себя. Кот на обложке продолжал жевать, а Ангел – хранитель – дуть на свою обожженную руку и бормотать что-то про щипцы, которые давно пора купить.

– Михаил Афанасьевич, кстати, – кивнул он в сторону кота. Знаешь, содержимое этой кастрюли намного интереснее судьбы отдельного подопечного... Вот напасть, опять пролился. Тряпку, тряпку неси и побыстрее! -заорал он вдруг нечеловеческим голосом. По всему дому разнесется, липнуть будет.

Я схватила лежащую в углу тряпку, стала промокать ею мутные лужицы на полу и часто-часто заморгала, увидев в них мозаику из машин, домов, людей, планет, вселенных.

Большого я не успела разглядеть, потому что Ангел выхватил тряпку из моих рук, одним движением протер лужу, швырнул тряпку в угол.

– Ты мой сон? – спросила я – Я убегая от реальности? Я читала-так бывает. Убегаю от страха изменений. Я не хочу признавать, что во всем виновата только я, и убегая. Мне надо меняться. Когда изменяюсь я-измениться жизнь.

Кот целиком отправил в рот сосиску, обильно сдобренную горчицей и, смачно жуя, произнес:

– Правильно! Ты меняйся, а я тем временем пообедаю.

***

Я проснулась. Полежала, дивясь причудливости сна. Снова уснула. И проспала. Наступило утро понедельника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По утрам я настраивалась на грядущий день, для того, чтобы он прошел эффективно. На это драгоценного рабочего времени жалко не было. Ведь от инвестиций в настройку себя зависело, как много я успею сделать сегодня.

Я обучалась эффективности у самых успешных. ОН настойчиво рекомендовал все новые и новые книги. Твердил, что главное для успеха – меняться. Что все проблемы в голове. В моей голове, естественно. И голова моя без усталости впитывала премудрости гуру бизнеса. К вечеру она разбухла, словно была из папье маше. К утру вновь ссыхалась, и я повторяла и повторяла процесс замачивания. А как же иначе? Человек обязан непрерывно самосовершенствоваться.

Не скажу, что процесс совершенствования мне не нравился. Будучи в нем, я ощущала некую причастность к ЕГО светлым идеям, некоторую духовную общность, даже, и мне это льстило. Я словно оказывалась с НИМ в одном кругу, правда, в качестве гостя. Магия ЕГО круга придавала мне силы, я впитывала мудрость успешных и стремилась, стремилась, стремилась стать вровень с ними и по праву вписаться в круг.

А молочное, душистое тепло минувших выходных было еще со мной. Словно я навестила добрых, недалеких деревенских родственников и наполнена их размеренной жизнью. Родственники остались позади, они были едва различимы за дымкой прошлого и махали мне руками, нелепые

и трогательные. А мне уже становилось неловко за визит к ним, точно совершила я нечто предосудительное.

Время пора было взбодрить, чтобы понеслось, полетело. Чтобы ощутить задор и энтузиазм. Я самая красивая, сильная, успешная. У меня все получится. Громко, перед зеркалом. После этого станет возможно все.

Я знала, что вот-вот время само захочет свободы, встрепенется, рванет от меня и потребует автономности. Хлестнет крылом по щеке, раскидает и поднимет в воздух бумаги. И понесет меня против моей воли куда-то, куда я не планировала. Реальность начнет преобразовываться в хаос.

Удивительно, как окружающие предметы умудрялись к концу недели разместиться в пространстве столь бессистемно. Совсем отбивались от рук, словно хулиганы-подростки, бунтующие против введенного порядка. Пыталась с ними поладить, да все никак. К полудню понедельника время окончательно вырвется на свободу. Я начну тонуть в его потоке, станет не до окружающего. Вынырну лишь в субботу, после продолжительного, мертвого сна, когда окажется, что минувшую неделю сожрало неведомое чудовище.

А что делать? В бизнесе без самопожертвования нельзя. Так говорил Он и все великие. Без яркого и обжигающего, как костер, самопожертвования.

Настроившись, я приступала к последовательному выполнению запланированного. Начинала с самого сложного. Затем переходила к прочим делам. Передо мной лежал список

того, что надо сделать. Блокнот распухал от неразобранных дел. До того, как время отрывалось, все шло, как по маслу, то есть по моему списку. Ближе к обеду в мой порядок врывались новое и неотложное. Люди начинали срочно что-то от меня хотеть. И я в конце концов сдавалась, пускала все на самотек.

У меня не получалось все контролировать. Только и оставалось, что до конца недели всеми возможными способами делать как можно больше. Новые дела наваливались, я не успевала их даже записывать.

Я знала, что все должно быть по-другому. Нужно, чтобы горели глаза, и, чтобы хотелось радостно херачить. Так говорил ОН. Я же планировала одну реальность, а получалась другая. Наверное, ОН был прав и что-то со мной не так. Необходимо совершенствовать навыки, качественнее планировать и больше делегировать.

Зазвонил мобильный. ОН. Я внутренне собралась и подняла трубку.

***

Поздоровался.

Выдержав паузу, произнес: «Слушай, а почему у нас...»

Длинная пауза. В ней лихорадочно вспоминала, что сделано не так.

На этот раз все было так, потому что для НЕГО надо было сделать ДЕЛО. Под соусом «это принесет пользу и тебе». В меню были другие соусы «я сделаю хорошо тебе, а ты мне»,

например, но особым разнообразием оно не отличалось.

ДЕЛО было небольшим. Знала, что для НЕГО оно должно быть сделано срочно и, одновременно, супертщательно. По – другому было немыслимо. Знала, что даже составление делового письма на пару страниц расплывется, как амеба, на полдня и вытеснит из него все остальное. Супер-файл ли нужно будет найти, супербумагу ли, супероформителя. Что-нибудь подобное обязательно потребуется.

Задала уточняющие вопросы, стараясь не упустить ни малейшей детали. И всем нутром почувствовала, как все померкло пред ЕГО делом. Планы дня, день, да что уж там, и вся моя жизнь.

– Я заеду в пять, – интонация Бога.

К пяти, после серии кропотливых корректировок, ДЕЛО было сделано.

ЕГО нет. Дипломатично выждала 15 минут, затем набрала. Не ответил. Отправила смс «приедешь»? Получила ответ «еду». Стала ждать. Благо, мне всегда было, чем заняться.

Временами в голове рождалась мысль о том, что непрекращающийся поток дел -это не совсем правильно. Мысль вмиг душилась чувством вины. Чувство фурией кидалось на нее, вцеплялось в горло и не отпускало до тех пор, пока птичка безвольно не склоняла головку и клювик набок. Да много ли ей надо было?

ОН приехал в девять.

Мне было любопытно, как живет в ЕГО загадочном ми-

ре? Что в нем происходит, и почему ОН в нем постоянно занят? Без сомнения, там все по-взрослому, и, само собой, там все масштабнее, чем здесь. Мужчины в моем мире были поменьше, поплoше, не такие породистые. Дела... Да какие тут у меня дела? Игры детские. Мечтала, чтобы в ЕГО мире нашлось местечко для меня. Мечтала стать такой же весомой.

ОН сел напротив меня. Основательно сел, глубоко откинулся на спинку стула, широко расставил ноги. Бросил ключи и пару мобильных на стол. Затем ответил на звонок. Положил руки на столешницу и совершил движение ногами и торсом, обозначавшее, что ЕМУ мало места.

Наконец, поднял на меня глаза. Посмотрел по-доброму, внимательно. Подстроилась под НЕГО. Покой и уверенность стали доступны мне и разлились по телу приятной теплой волной. Все проблемы показались пустяковыми. Я называла это состояние «удачным совпадением.»

ОН умел создавать нужную волну. Когда ОН заходил в помещение, все подтягивались и замолкали, ожидая ЕГО действий и слов.

Сейчас его слова четко отделялись друг от друга и были мягкими. Они звучали в унисон с ЕГО спокойным дыханием и наполнили воздух властью.

ОН заговорил про свою новую идею. Четко изложил концепцию. Объяснил, почему все должно произойти так, а не иначе. Встал, оправил свитер. Взял маркер и на настенной доске нарисовал схему.

Внимательно выслушала ЕГО. Вовлеклась. Попыталась вставить свои слова в моменты, близкие мне. Ведь об этом я много размышляла ранее и мне было, что сказать. ОН досадливо поморщился и попросил меня просто слушать.

Мне стало немного обидно, ведь я понимала, о чем ОН. Но мои слова были ЕМУ не нужны, и я почувствовала себя неиспользованной и забытой где-то в детстве переводной картинкой.

– Теперь ты поняла, как это может быть интересно НАМ? Упор на «НАМ».

Конечно, поняла. Я утвердительно, молча кивнула. Посмотрел на меня с сомнением.

– Подумай, как ЭТО лучше сделать. А пока выполни... – Он поставил передо мной очередную задачу.

Старательно записала все за НИМ. Повторила своими словами суть.

– Ну, да, – опасливо, прислушиваясь к своим ощущениям, распробовал на вкус мои слова.

Спросил, как дела в целом. Как в целом- ответила. Сказала, что есть несколько рабочих вопросов. Ответил, что, если ничего сверхсрочного, лучше отложить, поскольку у НЕГО встреча. А завтра ОН придет с самого утра. Знала, что не придет, но промолчала.

А ОН был уже снова на телефоне и сообщал, что будет через десять минут одновременно нескольким собеседникам. Положил трубку, посмотрел на меня внимательно и тепло,

и стал рассказывать что-то из жизни. Поучительное и веселое. Слушала, смеялась, ловила себя на мысли, что меня здесь нет. На прощание бросил на меня рассеянный взгляд и убежал в ночь, сказав «созвонимся».

Собирала бумаги, закрывала пустой офис, спускалась, запинаясь, по темной лестнице в ту же ночь, куда исчез он. Ловила пустую маршрутку. Было ощущение дежавю.

Дома что-то жевала и долго отмокала в ванне, добавляла и добавляла горячую воду, словно пыталась заполнить ею холодную пустоту внутри.

А из пустоты почему-то всплывали слова Ангела «а может быть дело не в тебе»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К рассвету ЕГО задача созрела в моей голове и маячила перед мысленным взором, предъявляя себя различными колоритными частями. К началу рабочего дня она заслонила собой все и неожиданно предстала передо мной в облике пышнотелой девицы, которая нуждалась в подобающем наряде. Будучи мужчиной, я бы сказала, что девица не была лишена приятности. Но я не была мужчиной. Я была лишь портнихой и, по роду своей деятельности, просто прикидывала, как половчее приспособить бесформенный кусок материи к ее прелестям.

Я крутилась вокруг девицы с портновской лентой на шее,

с булавками во рту. Уговаривала не вертеться, стоять смирно, не то проглочу булавку, и случится страшное. Не будет у нее нового сногшибательного наряда. Сделала несколько кругов, разглядела фигуру с разных ракурсов, прикинула, где убавить, где прибавить. Взлетела к потолку для лучшего обзора, лентой как бы невзначай шлепнула по ее лицу, чтоб не задавалась. Кинула материю на ядреное тело девицы, сметала булавками наживую. Сделала метки острым обмылочком, по старинке. Отошла, полюбовалась. И принялась самозабвенно резать и шить, резать и шить.

Материя легла, как влитая. Получилось очаровательное платьице. Плотно, ладно село на фигуру. Подчеркнуло нужное, спрятало от посторонних глаз лишнее.

Покончив с портновским делом, я вернулась в реальность. Теперь нужно было технично перенести все это великолепие из головы на бумагу. Чтобы кто угодно мог увидеть результат так же ясно, как и я. Особенно ОН. ОН неохотно вникал в суть изложенного чужими, не ЕГО словами. ОН ведь всегда говорил лучше всех, а, следовательно, другие, по умолчанию, хуже.

Я рисовала графики, столбики цифр, схемы, а в голове матрица была представлена очаровательным платьицем на пышнотелой девице.

Меня несло, я забыла про время, раскраснелась, улыбалась сама себе. Чудилось, что я в комнате моего таинственного знакомого-Ангела. Но мне было все равно. У меня по-

лучалось.

Все. Закончила. Собирался дождь. Пора домой, с чистой совестью. День удался. Довольная девица кружилась перед зеркалом. ЕМУ точно понравится.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я возвращалась домой в сумерках. Дождь, как помешанный, с нарастающей амплитудой раскачивал одну и ту же музыкальную фразу. На ее фоне забавлялся звуковыми эффектами гром.

Чуть фиолетовый воздух размывал границы, отчего все вокруг было словно с акварельного рисунка. Влажные крыши, яркие, точно игрушечные, автомобили, пузыри в лужах, потемневшая, тяжелая одежда. Люди, спрятанные под разноцветными зонтами, казались безликими и ненастоящими.

Я стояла на перекрестке, ждала зеленого света, и представляла, как выгляжу со стороны. Размытая фигурка на миниатюре, всего лишь след кисти задумчивого художника. Возможно за мной, втиснутой в простенькую рамку, наблюдает кто-то еще. Я ежилась от его пристального взгляда и от холода, чувствовала себя маленькой в игрушечном, фиолетовом мирке. Что там, за рамой?

Попыталась стряхнуть морок.

Фиолетовый воздух побледнел, запахло морем и хвоей.

***

Ангел с тряпкой и пластиковой бутылкой в руках крутился вокруг допотопной легковушки. Хмурый и небритый, посмотрел сквозь меня, жестом приказал сесть в машину.

Не стала ни о чем спрашивать. Справа стена хвойного леса. Слева море. Как я здесь оказалась – неизвестно. Вокруг

ни одной живой души. Лишь мрачного вида долговязый Ангел с неизвестными намерениями колдует над раздолбанным продуктом отечественного автопрома. Все было нормально.

Ангел занял водительское место, повертел задом, как кот на подстилке, устраиваясь поудобнее, положил руки с длинными, тонкими пальцами на руль и произнес в пространство:

– Опять до двух не спал. Вечно не высыпаюсь.

– Почему? – я спросила машинально, не рассчитывая на ответ.

Но Ангел ответил. Не глядя на меня, тихо, искренне, беззащитно и подробно.

– Нарушение сна какое-то у меня здесь. До двух, до трех заснуть не могу. Музыка слушаю, фильмы смотрю. В три засыпаю, а там и вставать пора, и на работу.

– На работу? – удивилась я

– Когда ты бодрствуешь, я спать не имею права. Должен бдить.

Он помолчал и неуверенно продолжил:

– А ты каждый день встаешь полседьмого, чтобы к восьми загрузиться на рабочее место. Зачем?

В голосе не было ни досады, ни раздражения. Только усталость недоспавшего человека.

Мне стало неловко. Захотелось объяснить ему, как важно вставать рано. Какой я стану от этого эффективной и сколько успею сделать.

Но мне почему-то стало неловко, а вместо объяснений я

спросила:

– А нам обязательно куда-то ехать? Может ты поспишь?

Ангел промолчал. Взгляд его, устремленный в бесконечность, потеплел.

***

Мы тронулись с места.

Долго молча ехали по пустому шоссе. От тишины было неловко. Ерзала, пыталась завязать беседу, искала, чем занять руки. На мои реплики Ангел не реагировал или отвечал с досадой, односложно. Занять себя было нечем. Волей-неволей прекратила суетливый поиск.

Монотонный гул двигателя, шуршание шин. Бесконечное полотно дороги, неспешно раскрывающаяся даль. С каждым километром я словно становилась плотнее и основательнее, а потом почувствовала слева тепло живого таинственного существа, так похожего на человека. В салоне стоял странный, терпкий, приятный запах. Запах чего? Чуда?

Время было неспешно, как шоссе. Я растворялась в нем.

***

Остановились на заправочной станции. Ангел прошагал на длинных, тощих ногах до ларька, принес воду и еду.

Зашла в уборную. Подставила указательный палец, потом всю ладонь под струю холодной воды из-под крана. В окружении белого кафеля, ощутила летним днем озноб операционной. Поежилась. Подняла глаза на заляпанное, мутное зеркало... И отпустило. Растрепанная, утренняя, спокойная и живая. Неизвестно, куда, с кем и зачем еду. Знаю лишь, что скоро вспомню нечто важное. Нечто просыпалось в утробе теплого, затхлого, темного, уютного подземелья, расправляло конечности и крылья, потягивалось.

***

Взошло солнце. Плотная стена леса неожиданно закончилась. В обрамлении холмов перед нами предстало хрустальное озеро. Буйная, сочная зелень вокруг. Капли росы под первыми солнечными лучами.

Ангел затормозил, на ходу бросил себе под нос что-то вроде «подожди» и побежал туда, к озеру.

Я смотрела на его удаляющуюся спину, на беззащитный затылок, на то, как он смешно вскидывает ноги, преодолевая сопротивление упругой, сильной травы. Что он делает? Я не сразу поняла, что он делает. Он то наклонялся низко-низко, к самой земле, то выпрямлялся и вскидывал руки в странном танце

Вдруг меня осенило-Ангел просто фотографировал это великолепие. Ангел. Просто. Фотографировал. Он парил на фоне просыпающейся природы и, если бы это был человек, я бы сказала, что у него выросли крылья.

***

Любовалась Ангелом. Солнце гладило кожу.

– Как у вас здесь... – выдохнул он.

***

Вновь шоссе. Ангел долго переключал что-то на панели. Возникли звуки.

– Что это? —спросила я.

– Это не ваше. Просто слушай.

Я вслушиваюсь в нечто странное, созданное иным миром,

в то, что нельзя назвать музыкой по земным меркам. Оно было понятно мне, поскольку человеку ли, иному ли разумному существу всегда близко то, о чем это было. Музыка просачивалась сквозь меня, по пути мягко растворяла скопившиеся жесткие комки. Я прикрыла глаза, вслушалась в нее, в себя, до конца, до последней востребованной и сорвавшейся в пропасть ноты.

Стало тихо, но нечто осталось. В ровном гуле двигателя. В моих мягких губах. В покорности ресниц. В руках, покоящихся на коленях. В воздухе между мной и человеком рядом, который сейчас, я это знала, чувствовал то же, что и я.

– О чем думаешь? – Ангел потревожил тишину. Тишина улетела величавой, длиннокрылой птицей.

Я промолчала, я ни о чем не думала.

– Чего ты хочешь, душа моя? – старомодное обращение прозвучало неожиданно уместно.

Больше всего в этот миг мне хотелось, чтобы он взял меня за руку. Поэтому я по-прежнему молчала.

– Как же хорошо тут у вас! Чувствуешь?

– Да, – выдавила я. Говорить совсем не хотелось.

– Мало таких планет... -Ангел, наоборот, был удивительно словоохотлив.

– А что здесь особенного?

– Особенного везде полно. Спроси лучше, что есть только у вас.

По-моему, то, что есть только у нас и называлось особен-

ным. Пожала мысленно плечами, покорно спросила: «Что есть только у нас?». И между моим «у нас» и его «у вас» впервые ощутила бездну.

– Нам говорят, что это – техническая ошибка. Исправить ее сложно. Система полетит. Проще смириться. А мы, грешным делом, радуемся тому, что ошибку не исправляют.

– Что за ошибка?

– Не должно смертное существо чувствовать ничего подобного. Нецелесообразно это. Осложняет все. В моих кругах, близко к Вечности, без этого никак. С Вечностью надо говорить на ее языке.

Он произносил слова размеренно, задумчиво. Сомневался, надо ли.

– Что за ошибка? - умоляла я.

– Нигде больше живые, смертные, разумные существа не могут просто БЫТЬ, -изрек Ангел. И добавил:

– Хотя бы время от времени. Обычно все подчинены цели, завязаны на действии. Продвигаются, стремятся. К результату. К смерти. Иначе система заглохнет от безысходности, начнет разваливаться, может навернуться, гикнуться... – Ангел спохватился и замолчал. Наверняка, у него в запасе было достаточно выражений для продолжения словарного ряда.

– Только вам предоставлена такая возможность, – продолжил Ангел торжественно. Многим из вас непонятно, что с ней делать, как применить, куда от нее деваться даже. Ангел кривится. -Многие из вас возможности просто не заме-

чают или забывают о ней за ненадобностью, пожив немного. Согласись, это, действительно, нецелесообразно, бестолково и бессмысленно в мире, завязанном на здравом смысле.

Поэтому не идут с вами на контакт Другие. Ущербностью считают дар, не нужный для выживания. Страхатся перенять, подцепить, заразиться. Детей своих пугают.

Наши же ухмыляются, глядя на тех из вас, кто пытается дар распробовать. Нечеловеческое это дело, как ни посмотри.

Никого не переубеждаем. Ничего не переделываем. Так проще. На самом деле именно это в вас – божественное.

– Случайно получилось, ошибка, – начал было оправдываться мой собеседник, запивая слова, явно несанкционированные в высших сферах, минералкой из пластиковой бутылки. Как вдруг подавился, захлебнулся водой, закашлялся, и, покрасневший, со слезами на глазах, произнес не своим, властным и густым голосом:

– Великое благо дано вам этой ошибкой.

На мгновение передо мной предстал не мальчишка, а мудрец.

Прежний Ангел возвратился, тихий и грустный:

– И никогда, никогда не жалею о своем молчании.

Самое интимное, что два человека могут сделать друг для друга – просто помолчать вместе.

И он взял меня за руку.

***

– Ты спрашивала, куда мы едем?

Кивнула, хотя и не спрашивала.

– Дорогая, мы прибыли.

Ангел остановил машину у приземистого деревянного здания с вывеской «Харчевня «У Игореша». Я собралась выходить.

– Погоди, сейчас ты переходишь дорогу под дождем. Будь осторожна-предупредил Ангел.

Мир снова перевернулся.

***

По дороге домой зашла в магазин и купила себе еду. Все, на что глаза посмотрели и что желудок потребовал. Я была голодная, как волчица. В харчевню «У Игореша» не попала. Странные грезы у меня, однако. Не отличишь от яви. После них захотелось умиротворяющего, расслабляющего удовольствия. Мое желание материализовалось во внушительную гору продуктов на ленте супермаркета. Дома вывалила кули из пакета на стол. Выхватила из кучи особо лакомое, подогрела, стала насыщаться. За ужином, эврика, пришел яркий штрих к решению задачи. С тарелкой понеслась к компьютеру, опасаясь расплескать.

В минуты творческого ступора-обратно на кухню за новым лакомством. Так и курсировала. Арсенал кружек передислоцировался вслед за мной из кухни к рабочему месту. Обвела глазами его виновато, обреченно и рассеянно. Поря-

док снова нарушен. Но фокус внимания остался на красивом решении задачи.

Наконец, живот заполнен и умиротворен. Легла спать все еще во власти задачи. Заснула с ощущением, что я гений и оказалась у харчевни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Похоже на придорожную забегаловку. Огромная аляповатая вывеска с оскалившимся в улыбке поваром.

– Прошу, принцесса, – Ангел галантно распахнул выдающую виды деревянную дверь.

Ступила на крыльцо и заметила, что на мне красное платье в крупный белый горох. Сроду такого веселья не носила. Разве что глубоко в детстве.

Готова была увидеть столы, накрытые цветастой клеенкой, массивные стулья, смурных, склонившихся над тарелками дальнобойщиков. Компот в граненых стаканах. Макароны в лотках. Стопку пластиковых подносов, наспех протертых разящей хлоркой тряпкой. Герань на подоконниках. Веселые занавески. Кафельную плитку на полу. Фигус в углу. Массивных чугунных коней с геркулесами в интерьере. Густую мутную подливу, борщ, жареный минтай. Краснощечных, дородных, пышущих жаром работниц общепита в белых халатах и косынках. Всего этого за дверью не было.

Мы очутились в большом зале, похожем то ли на внутренности космического корабля, то ли на операционную. Во рту появился металлический привкус. Я провела языком по небу и внутренней поверхности щек. Мое гороховое платье и протесцкий прикид Ангела не вписывались в царстве металлической гармонии.

Небольшие стальные пластины лепестками устилали стены и потолок. Они светились. Ослепительно и холодно. Бе-

лый воздух окутывал нас, нелепых, несовершенных и теплых.

Вдоль стен теснились изящные железные столики. Ажурные салфетки на них были, похоже, из металлического кружева. Я ступила на серый ковёр. Вместо мягкого ворса пол встретил меня непреклонностью стальных иголок. Я отпрянула и неминуемо упала бы, если бы Ангел не поддержал меня под локоть. Захотелось уйти отсюда.

— Игореша, клоун, выходи! - крикнул Ангел, все ещё крепко держа меня за руку, словно опасаясь, что убегу. Мы уже впечатлились, напуганы и готовы к твоему представлению.

Пауза повисла в металлическом воздухе. Потом произошло неуловимое движение и в центре зала возник высокий чернявый парень в длинном сером фартуке, с полотенцем через плечо. Густая бородка на круглом лице, чуб, пухлые щеки, живые бархатные глаза.

Глядя на него, хотелось улыбнуться. Он был из числа тех мужчин, с кем удивительно легко. Легко знакомиться, легко общаться, легко, спокойно и надежно быть рядом. Расстаться, впрочем, тоже легко.

В невнятные, смутные для женщины времена такие мужчины-дар. Ты будешь купаться в его доброте, и надежном спокойствии. Он предложит тебе шоколадную конфету, когда ты грустишь, обнимет, когда весь мир ошетинится. Он принесёт в коробке жалобно голосящего уличного котенка в то момент, когда тебе, казалось бы, хуже всех.

Ты проснешься утром переродившаяся и увидишь, как этот парень, напевая, готовит завтрак. Кот трется об его ноги. Яичница с помидорами буднично скворчит на сковороде. Все вокруг него размеренно и шаблонно.

Ты прислонишься к дверному косяку и выдохнешь. Потому что такой шаблон нужен тебе сейчас больше всего. На него можно опереться. От него можно оттолкнуться. И куда, оттолкнувшись? Тебе видней.

Он, как ангел, придет к тебе, смертельно уставшей от сложностей, своих и ЕГО. Он незаметно и без претензий уйдет, когда наступит время. Он не даст жизнь, он даст покой и свет, с которыми ты возвратишься на землю для новых встреч со сложным, ослепительным и нешаблонным. Возможно, такие парни и есть ангелы. В их простоте и приземленности таится нечто неземное.

Нужно ли то, что они приносят, им самим? Или сапожник, как водится, без сапог? Такой вопрос никогда не приходил мне в голову. Возможно, именно этого вопроса они ждут и исчезают, не дождавшись.

Задай ты его, и передо тобой отворится целая вселенная. Ты встанешь на ее пороге, глянешь из своего мрачного мира на буйство красок, вдохнешь воздух со странным, будоражащим ароматом. В лицо дунет беспечный ветер. Облака опустятся и пригласят понежиться в своем ватном чрево. Звездная бездна поманит к себе, уложит в колыбель и будет тихо напевать его голосом о чудесных мирах.

Пока что ты думаешь о себе. И он, как заказывала, приходит в твой трещащий по швам мир и приносит покой. Большого он тебе одной дать не может. Пока что он просто ангел.

Один из них был передо мной. Улыбался пухлыми губами. Моргал густыми ресничками. И спрашивал, шутливо изогнувшись в поклоне:

– Чего изволите?

– Не дурачься, шут гороховый, ты прекрасно знаешь, что нам нужно.

Игореша укоризненно хлопнул себя по лбу и вприпрыжку убежал за стальные кулисы.

Откуда он знает, что нам нужно? – спросила я.

– Ангел ведь.

– Понятно...

– Поверила? Шучу. Все проще и сложнее. Представь себе тончайшую электронику. Лучшее оборудование, считающее состояние твоего тела и души. Ауру. Поля всякие. Представь, как оно дышит, смотрит, щупает, слушает тебя. А потом скрежещет и выдает самый лучший, а значит самый приятный для человека на данный момент вариант. Представила?

– Не очень, – ответила я, подумав.

Ангел меня не слушал и продолжал говорить, захлёбываясь от восторга.

– А сейчас представь, что ты внутри этой совершеннейшей, уникальнейшей машины. Ее желудок вот-вот начнет

урчать и переваривать информацию о тебе.

Я в ужасе попятилась к выходу. Ангел рассмеялся.

– Нет, серьёзно. Разве это не чудо? В галактике Z заку-
пал. Тебе не представить, как это далеко, – сказал он и ткнул
пальцем в небо. А что делать? Ближе нет. Там лучший ин-
ститут человековедения. Все про вас знают лучше, чем вы
сами. Слышала, наверное, про летающие тарелки и похище-
ние людей для опытов? Так вот, ерунда все это, про опыты.
Зачем похищать, когда за доли секунды считать можно каж-
дого из вас, а вы и не заметите. А вот тарелки действи-
тельно оттуда. Странные существа в этой галактике. При их воз-
можностях замаскироваться не могут. Или не хотят.

Ангел уже тянул меня за руку к одному из столиков.

– Сам летал. Сам доставлял. Сам настраивал. Нельзя, во-
обще-то нам. Запрещено бизнесом заниматься, все- таки мы
ангелы. Он задумался, засомневался, изобразил раскаяние.

А я представила его, в клетчатой рубашке и джинсах,
с огромными крыльями за спиной, в безвоздушном про-
странстве. Как он буксирует к земле что-то чудовищно
огромное в надежной упаковке. И улыбнулась.

– Проще говоря, машина настроит все вокруг под тебя.
Все, что нужно, изменится. Воздух, цвета, запахи, звуки...

– Все что нужно для чего?

– Для тебя, конечно. Ты вообще задумывалась, как ты
устроена и для чего все это?

– О смысле жизни что ли?

Ангел опешил и сам задумался.

– Ммм... Усложняешь ты все. Можно и так сказать. О смысле... О том, как все совершенно. Конструкция железки, в которой мы сейчас, ничто по сравнению с конструкцией твоего тела, твоего сознания. О том, чтоб все это работало и не фонило должна думать ты. Кто ж ещё? Не врачи же, не психиатры. А железка тебе в помощь. Как индикатор. Чтобы все проявилось.

– Что проявилось?

– А ты оглянись.

Хирургическая стерильность помещения сохранилась лишь на периферии зрения. Все, на что я смотрела в упор, менялось. Ковёр стал мягким, свет тоже. Заколыхалась легкая занавеска в горошек на отворившемся окне. Горошины запрыгали, хихикая, как от щекотки. Столы, смачно чмокнув и подпрыгнув, округлились. На них спланировали невесть откуда взявшиеся скатёрки. Прихорашиваясь и оправляясь, столы разбились на пары и, покружившись в вальсе, замерли в радостном ожидании. Салфетки в фигурных вазочках расправили крылышки, узоры и принялись чуть слышно напевать что-то фольклорное. Стало тепло.

В центре зала возник очень серьезный Игореша, поклонился нам в пояс, взмахнул дирижерской палочкой, встряхнул шевелюрой. Не хватало только фрака с белой манишкой.

Я ожидала услышать музыку, вместо этого увидела ее. Воздух переродился и эволюционировал. Прозрачная пусто-

та зашлась вихрем, местами уплотнилась, местами растворилась в бесконечности, образовав провалы и дыры в пространстве. Дыры пошли туннелями, в конце которых мерцало нечто таинственное и разноцветное.

Все это было похоже на ожившую акварель очень смелого художника.

Уплотнения превратились в спиральные облака. Внутри них что-то происходило. Я приглядывалась, прищуривалась, хотела подойти поближе. И поняла, что подходить нет необходимости. Я находилась в эпицентре происходящего. Сгустки музыки пульсировали вокруг меня и даже во мне. Они были разного цвета и формы. Я следила за стремительным вихрем... чего? Я поняла-вихрем зарождающейся жизни.

Пока я вертелась вокруг своей оси, чтобы больше увидеть, лоно сгустков на глазах набухало, из него потянулись причудливые разноцветные ростки. Плоть ростков превращалась в диковинные плоды. Через пару минут в воздухе плавал целый сад-огород, Игореша нырял в его дебри с хищным ножом, точно разбойник. Подмигивал одним глазом, пугал чёрной повязкой на другом.

Игорешин нож вспорол росистую пористую мякоть. Она нехотя прогнулась под ним, затем, не выдержав напора, разверзлась сочащимся надрезом. Дальше все пошло, как по маслу. Плоды вокруг Игореши произрастали из семян, зрели, сами стряхивали с себя землю и росу, ложились под

нож и сами укладывались на огромный, парящий в воздухе, поднос тонкими разноцветными ломтиками. На срезе они были так свежи и влажны, что хотелось провести по ним языком, ощутить вкус и влагу на небе, впитать потрясающую свежесть, ощутить ее всеми вкусовыми рецепторами. Сглотнуть слюну, самой стать этой свежестью. Я раздвинула руками заросли и потянулась к тяжелому подносу. Но Игореша меня опередил, отодвинул, встал на цыпочки, схватил качающийся поднос и водрузил его на стол. Осуждающе сказал мне «ай-ай-ай», и я, как провинившаяся девочка, взгромоздилась на высокий стул и замерла в ожидании.

Игореша повязал мне на шею огромный фартук. Фартук закрыл рот и нос. Я заморгала и протестующе замычала. Игореша поправил фартук и предложил мне отведать плоды.

Я откусывала маленькие кусочки, прислушивалась к себе, глотала. Влажная мякоть скользила по языку, небу, проваливаясь вглубь меня. Я изнутри чувствовала ее прикосновение. Мякоть плодов нежно касалась моей мякоти. Осмелев, впитывалась, проникала в мои клетки, в густой поток, текущий по моим жилам. Смешивались с ним, освежала, добавляла краски и ноты.

Я, полная свежести, глубоко вздохнула, потянулась вверх и захотела взлететь.

И взлетела бы красным воздушным шариком в белый горошек. Но Ангел подошел сзади, мягко взял меня за плечи и опустил на землю.

– Не торопись. Еще не все. Это только легкость и свежесть рассвета. Ты взлетишь, а что будешь делать дальше? Вскоре тебе наскучит весело болтаться в воздухе, но шарик не может сам вернуться на землю. Он пустой.

– Он может лопнуть? – спросила я.

– Или застрять навеки между небом и землей, – грустно улыбнулся Ангел.

Я послушно села. Декорации тем временем менялись.

Зелень смешалась с воздухом и превратилась в прозрачную воду. Даже если бы я взлетела воздушным шариком, тяжесть воды вернула бы меня на дно. Мое платье и волосы колыхали волны. Подобно ветру, но мощнее. Как в замедленной съемке. Стайка пестрых рыбок запуталась в развевающихся прядях.

Появились крупные, солидные рыбы. Медленные и задумчивые. Я слушала шорох песчинок, тяжелую музыку морских глубин и думала, что это может продолжаться вечно. Что бестолковое парение шарика в банальном голубом небе – детский сад по сравнению с медитативным покачиванием волн.

И, когда я была готова остановиться навеки, когда я перестала желать чего-то иного, ставшего суетным и мелким, в центр величия шумно всплыл Игореша с огромным сачком. Большой, неуклюжий, в одежде, загребая ил, он стал ловить обитателей морских. Конечно же они, ловкие и гибкие, легко ускользали. Вскоре Игореша остался один в мутной

серо-коричневой взвеси. Он в шутовском отчаянии уселся на огромный валун и даже попытался закурить, но вспомнил, что находится в воде, совсем отчаялся и разрыдался наигранно.

Я хохотала. Вода, тем временем, стала прозрачной. Игореша поднялся, усталый и довольный, как комедийный актер на поклоне. К сачку подплыла огромная рыба, плоская, как камбала и усатая, как сом, с открытым, овальным ртом. Рыба нырнула в сачок, поерзала, покрутилась, и уснула.

Вода вместе со всем ее содержимым хлынула вверх и в один миг мощно всосалась в потолок. Лишь кое-где в помещении повисли махровые волны и водоросли, да на ковёр просыпался песок. Мусор был вмиг убран взявшимися неведь откуда металлическими пауками.

Игореша в огромном поварском колпаке стоял посреди чистого зала. Рыба сладко спала в сачке, положив плавник под щёчку. Вдруг снизу вырвался столб пламени и свирепо охватил сачок, а Игореша принялся ловко его поворачивать, подставляя рыбу огню с разных сторон. Я в ужасе закрыла глаза, а когда открыла, пламя исчезло, а Игореша торжественно держал на ладони огромное блюдо с золотисто-коричневым содержимым в зелени, дольках лимона и помидоров.

Какая жестокость! Не буду это есть. У меня на глазах выступили слезы. Жареная рыбина зашевелилась, потянулась плавниками и произнесла через зевоту: «Жарковато было».

Подрок оказался на столе.

– Попробуй-сказал Игореша.

– Она живая.

– Ерунда. Это самая сильная рыба в мире и ничего с ней не будет. Многие ее пылись слопать, ни у кого не получилось, и у тебя вряд ли получится. Пробуй.

Я медлила.

– Ешь! – густым голосом приказал Ангел.

Я взяла вилку и ковырнула ею рыбий бочок.

– Щекотно-пискляво провизжала та и поежилась. Кусок плотного белого мяса с тонкими прожилками остался на вилке, а бочок рыбы тут же затянулся новой кожей.

Я осмелела и стала есть. Попросила гарнир, на что Игореша ответил мне, что негоже смешивать настоящую силу со всякой ерундой. Что-то вспомнил, загадочно улыбнулся и понесся на кухню.

– Он Бог-сказала я.

Он Ангел-рассмеялся Ангел. Причем ангел, нарушающий все инструкции. Нельзя ведь нам этого. Я его прикрываю и пашу за обоих, всех его подопечных на себя взял. Потому как правда в своем деле он бог, пока непризнанный.

Тут Игореша принёс графин с густой бордовой жидкостью, плеснул из него мне в бокал.

– Что это? Кровь?

– Почти, – ответил Ангел.

– Это лучший виноград Вселенной, – громко зашептал

мне в ухо Игореша. Вообще-то напиток называется по – другому, но это не важно. Пусть он смешивается с твоей кровью. Ешь, запивай, набирайся Силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.